

Литварь Нина Владимировна, Чистякова Мария Николаевна

РЕПЕРТУАРНАЯ ДРАМА 80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА В РОССИИ. ПЕРВЫЙ ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЛ. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

В статье представлены история создания и анализ неизвестной широкому кругу читателей и зрителей пьесы Вл. И. Немировича-Данченко "Шиповник: сцены в трех действиях". Авторы приходят к выводам, что, несмотря на то, что первый драматургический опыт молодого театрального критика был удачен в плане успеха на сцене, он не принес удовлетворения самому автору, так как в результате попытки перевести традиционную комедию положений в современную комедию характеров у него получилась легковесная театральная пародия. Анализ первой пьесы молодого драматурга предоставляет возможность очертить контуры основного круга характеров и тем, которые будут разрабатываться Вл. И. Немировичем-Данченко в его последующих пьесах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/5/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(79) С. 97-100. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 792.03

Искусствоведение

В статье представлены история создания и анализ неизвестной широкому кругу читателей и зрителей пьесы Вл. И. Немировича-Данченко «Шиповник: сцены в трех действиях». Авторы приходят к выводам, что, несмотря на то, что первый драматургический опыт молодого театрального критика был удачен в плане успеха на сцене, он не принес удовлетворения самому автору, так как в результате попытки перевести традиционную комедию положений в современную комедию характеров у него получилась легковесная театральная пародия. Анализ первой пьесы молодого драматурга предоставляет возможность очертить контуры основного круга характеров и тем, которые будут разрабатываться Вл. И. Немировичем-Данченко в его последующих пьесах.

Ключевые слова и фразы: «Шиповник»; Вл. И. Немирович-Данченко; водевиль; нигилизм; пародия; В. А. Крылов; ампула.

Литварь Нина Владимировна, к. искусствоведения, доцент

Чистякова Мария Николаевна

Московская государственная академия хореографии
ninalitvar@gmail.com; mariamart@mail.ru

РЕПЕРТУАРНАЯ ДРАМА 80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА В РОССИИ. ПЕРВЫЙ ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЛ. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

Удивительно единодушно театральная критика XIX века и историки театра сходятся во мнении, что общий уровень драматургии 70-80-х годов представлял собой «безотрадную картину» [4, с. 627-628; 5, с. 400; 8, с. 425; 10, с. 262; 11, с. 20]. Создавая пьесы непосредственно под тип и физические данные актеров, которым предстояло играть, авторы в основном использовали в своем творчестве театральные шаблоны. Талантливые артисты великолепных актерских трупп Малого и Александринки часто вынуждены были играть низкопробную современную драматургию, массово наполнявшую репертуар помимо отдельных вкраплений выдающихся произведений русской и западноевропейской классики. Упадок драматургии способствовал снижению уровня постановок как Императорских театров, так и частных и провинциальных сцен [21, с. 180].

Самым плодотворным и репертуарным автором указанного периода времени был В. А. Крылов (он также писал под псевдонимом В. Александров) [7, с. 440-509]. Актеры часто брали у него пьесы для своих бенефисов, уверенные, что получают эффектную роль, но осознавая при этом, что «Крылов является для них злым гением и играет на слабых струнках их актерского тщеславия» [3, с. 144]. М. Г. Савина на юбилее драматурга в 1887 году полусерьезно констатировала: «Тринадцать лет мы с вами вместе портим репертуар» [2, с. 92]. Засилье крыловских пьес раздражало многих, а их постоянный успех у публики кружил голову молодым авторам.

Одним из таких авторов можно назвать двадцатитрехлетнего критика и театрального рецензента Вл. И. Немировича-Данченко. Важно, что к моменту начала карьеры драматурга у него уже сформировались свои оригинальные суждения и принципы относительно театра [20].

Заметим, что мнения о драматургическом творчестве самого Вл. И. Немировича-Данченко прямо противоположны: одни считали, что это – «ценный вклад в репертуар» [8, с. 406], другие называли «драматической макулатурой» [12, с. 21].

Например, с позиции В. Э. Мейерхольда, пьесы Вл. И. Немировича-Данченко, А. И. Сумбатова-Южина и многих других, наряду с В. А. Крыловым, можно безоговорочно отправить в архив. К сожалению, на сегодняшний момент это – свершившийся факт: большинство текстов репертуарных драм XIX века остались лишь в литографических или рукописных экземплярах, не переизданы, являются библиографической редкостью и практически не исследовались с 60-70-х годов XX века.

Творчество одного из знаменитых основателей Московского Художественного театра привлекало историков театра в основном в контексте создания и работы в знаменитом театре. Его ранние драматургические произведения не заслуживали пристального внимания исследователей. Возможно, потому, что он сам довольно критично отзывался о них [15, с. 469]. Между тем путь любого драматурга в истории театра интересен начальными опытами. В них проявляются новые темы, волнующие автора, характеры и типы персонажей, получающие позже разработку и огранку [21, с. 180].

К сожалению, о самых первых пробах пера остались лишь воспоминания: «в тринадцать лет – драматург» [14, с. 110] – автор водевиля и мелодрамы. Если не брать их в расчет, то пьеса «Шиповник» по праву может считаться удачным дебютом молодого критика, так как комедия имела успех, вошла в репертуар Малого театра, определив сборы [7, с. 508], а вскоре за ней последовали и другие пьесы.

Один из сохранившихся экземпляров текста – «Шиповник: сцены в трех действиях» под псевдонимом Владимир Иванова с пометкой авторства Немировича-Данченко – хранится в Центральной научной библиотеке союза театральных деятелей в виде литографического издания Московской театральной библиотеки Е. Н. Разсохиной. Документ является библиографической редкостью, написан от руки по правилам орфографии XIX века. Первая публикация издательства «Будильник» 1882 года. Пьеса не переиздана.

В 1960 году А. Б. Рубцов выдвинул интересную версию, к сожалению, не подтвержденную документально, об истории создания «Шиповника»: осенью 1881 года Немирович-Данченко поспорил с товарищем, что напишет комедию не хуже «Лакомого кусочка» [16, с. 12].

Отметим, что пьеса «Лакомый кусочек», написанная в 1878 году, – одна из популярных в то время комедий-шуток В. Александрова. Сюжет ее, как и многих других, был заимствован [7, с. 469]. Театральные знатоки подвергали «Лакомый кусочек» заслуженной критике: «...из рук вон плоха...» – писал о ней И. С. Тургенев [18, с. 580]. Неоднократно выступая в печати по поводу недостатков драматургии В. А. Крылова и других подобных «драмоделов» [20, с. 37], Вл. И. Немирович-Данченко «быстро и легко» [13, с. 7] создал свою первую пьесу – «Шиповник: сцены в трех действиях».

В основе сюжета лежит традиционный «любовный треугольник». Узнав о том, что племянник мужа – Всеволод влюблен, его тетя – молодая и кокетливая вдова Евгения Васильевна Золотницкая (по психофизике – точная копия крыловской Олимпиады Алексеевны Дамьяновой) [1, с. 2] – приезжает в Москву. Она готова на все, что в ее силах, чтобы отвлечь молодого человека от предмета его любви. Отчего же милая, добрая, очаровательная и не старая (около 28 лет) тетя Женя так бесцеремонно вмешивается в личную жизнь своего племянника? Конечно же, здесь не обошлось без помощи «доброжелателя».

Прокофий Петрович Недомеков (50 лет) – этакий состарившийся сплетник Жилкин из «Лакомого кусочка» [Там же]. Он из самых лучших душевных побуждений типа «как бы чего не вышло» написал письмо, где изложил свои опасения по поводу влюбленности Всеволода в девушку. Недомеков, не удосужившись познакомиться с ней лично, тем не менее убежден в «порочности» выбора молодого человека: «Я нюхом чувствую, где кроется недоброе... Узнаю, что она – мещанка, что она занимается в библиотеке и... имеет громадное сходство с нигилисткой... Ведь это гибель! И она уже наверное завлекает его в свои сети. Наверное!» [9, с. 18-19]. Все это звучит просто как фамусовское: «Ах! Боже мой! он – карбонари!» [6, с. 30]. На этом невероятном, нелепом, анекдотичном обвинении строится интрига.

Однако Надежда Любимова вовсе не похожа на безответных героинь, умирающих от чахотки с книжкой в руках. С помощью старого водевильного приема «переодевание» она превращается в госпожу Серебрицкую и в этом образе предстает перед тетушкой – соперницей. Смелая девушка готова отстаивать свое счастье, а помогает ей мудрый доктор Братчик.

В конце пьесы – обязательный счастливый финал с искренним раскаянием провинившейся тетушки, соединением рук влюбленных, осуждением порока и веселой пикировкой под занавес.

Описание места действия в «Шиповнике» не отличается оригинальностью: обстановка одинакова и представляет собой отделение в меблированных комнатах. Такой подход к декорациям очень выгоден для театра. Новшеством явилось пожелание автора иметь дополнительный занавес. Это новаторство характеризует молодого драматурга как человека, имеющего видение сцены, знающего своего зрителя и пытающегося разнообразить антураж спектакля. Занавес, изображающий фасад дома, должен был оставаться в антрактах после первого и второго действия, а после третьего нужно было опустить обычный театральный [9, с. 2]. Таким образом, минимальными средствами молодой автор добивался разрушения классического единства места.

В списке действующих лиц даются возраст и небольшие характеристики. Говорящие фамилии – «Золотницкая», «Серебрицкая», «Братчик», «Скапидарова», «Пустоглазов», сноска и характерная речь помогают уяснить черты того или иного персонажа.

Пьеса рассчитана на ансамбль, где ведущие партии определяют две главные женские роли: Евгении Васильевны Золотницкой (амплуа «героиня – комическая любовница») и Надежды Сергеевны Любимовой (амплуа «инженю»), три мужских: Всеволода Золотницкого (амплуа «герой-любовник», доктора Братчика (амплуа «резонер», «благородный отец») и Недомекова (амплуа «злодей»). Интересно заметить, что такой подбор традиционных характеров прекрасно ложится на состав труппы Малого театра, где и была с успехом поставлена пьеса.

В конце литографического издания «Шиповника» можно найти любопытный документ. Последняя страничка посвящена распределению ролей: Золотницкая – Г. Н. Федотова, Золотницкий – М. П. Садовский, Недомеков – И. А. Самарин, Братчик – М. А. Решимов, Пустоглазов – Н. И. Музиль, Скапидарова – С. П. Акимова, Любимова – И. П. Уманец-Райская, конторщик – П. Я. Рябов [Там же, с. 93].

Строение и драматургия самой комедии традиционны: три действия разделяются на сцены. В ремарках указываются минимальные мизансцены, определенное состояние и логичные паузы. Роли наполняются словечками, призванными вызывать смех публики, эффектными выходами и уходами, пафосными монологами и смешными положениями. Например, монологи помещицы Скапидаровой (амплуа «комическая старуха») о кровати, деньгах, обманувшем ее актере. Любопытно, что в своей первой пьесе в комическом ключе, подражая А. Н. Островскому, Вл. И. Немирович-Данченко касается темы неустроенности актерских судеб. Темы, которая будет обсуждаться в «Славянском базаре» одной из первых и важнейших.

Странен и, на первый взгляд, не понятен в комедии лейтмотив «грязного платья» франта Пустоглазова (амплуа «наперсник»). На протяжении всей пьесы этот персонаж страдает от невозможности сменить испачканную в луже одежду, так как вынужден исполнять веления очаровательной Евгении Золотницкой, выбравшей его своим кавалером в Москве. Жалобы незадачливого ухажера сначала вызывают улыбку, а повторяясь, и недоумение у современного читателя. Но в контексте театральной ситуации 80-х годов XIX века становится очевидным, что Пустоглазов в грязном пальто – не что иное, как прямой отсыл к комедиям В. А. Крылова. В этом мотиве легко угадываются прообразы: «живая газета» – Жилкин из «Лакомого кусочка» (1878), упавший и выпачкавшийся в овраге во время подсматривания [1, с. 46]. Или добродушный Васенька из пьесы «В осадном положении» (1875),

бегающий, всем угождающий «и, в довершение поражения публики, произносящий монолог о том, как он, суесться и хлопоча о чем-то, упал в лужу...» [2, с. 70]. Как ядовито замечает А. Я. Альтшуллер, «буря аплодисментов и вызовы обеспечили “пальто с мокрым задом”... успех в двух сезонах!» [Там же]. Театральный рецензент Немирович-Данченко, конечно, был в курсе событий и не преминул спародировать эту деталь в своей первой комедии.

В связи с этим легко утвердиться во мнении, что пьеса «Шиповник» – это простой традиционный водевиль с переодеванием, комедия интриги и положений. Да и сам автор впоследствии назвал ее «пустым фарсом» [15, с. 469]. Но с точки зрения современного XIX века исторического контекста интрига, на которой строится пьеса, получает некоторую трагикомическую направленность с социально-политической подоплекой.

Нужно вспомнить, что после тургеневских «Отцов и детей» вопрос «нигилизма» волновал общественность на протяжении 60-70-х годов XIX века. Отражение новых идей и людей, их проповедующих, после покушения на царя 4 апреля 1866 года проявляется в пьесах с «враждебной, почти омерзительной» [17, с. 319] стороны. А слово «нигилист» в простом обиходе становится ругательным.

В переживаниях провинциальной помещицы Евгении Золотницкой о будущем любимого племянника можно увидеть страх повторения печальной участи героини «Гражданского брака» Н. И. Чернявского (1866), где девушка обманута и погублена нигилистом Новосельским. Значит, один только намек на то, что Надежда Любимова – нигилистка: образована, служит в библиотеке, читает Лассала, – рисует картину неприглядного будущего ее спутника жизни и вызывает соответствующую реакцию любящей родственницы. Важно заметить, что молодой драматург не претендует в «Шиповнике» на проповедь революционно-народнических идей, скорее наоборот. Нелепое обвинение в «нигилизме» – лишь прецедент, на фоне которого можно закрутить интригу с политически злободневным намеком, устроить анекдотическую ситуацию с переодеванием, поиграть страшными для обывателя словами, показать знакомые характеры в новом ракурсе.

В свете перечисленных фактов становится понятным, что в результате попытки молодого и еще неопытного драматурга перевести традиционную комедию положений в современную комедию характеров получилась эффектная, сценично-театральная пьеса – пародия, с неназойливой, но очевидной моралью, с включением юмористических моментов и пародийных образов, основанная на наблюдениях человеческих отношений и внутренней политики России того времени.

Очевидно, что типы персонажей и их характеры написаны под амплу, соответствующие актерскому составу труппы Малого театра 80-х годов XIX века, благодаря чему пьеса была поставлена и имела успех.

Заметим, что Вл. И. Немирович-Данченко, который обрушивался в своих театральных рецензиях и критических статьях на В. А. Крылова и ему подобных, иронизировал над актерскими и драматическими «штампами», в своем драматургическом дебюте противоречит себе – критику. Основное новаторство, характеризующее его как человека, имеющего видение сцены и знающего своего зрителя, заключается в попытке разнообразить антураж спектакля с помощью введения дополнительного занавеса. Но, несмотря на традиционность построения самой пьесы и шаблонность большинства персонажей, в «Шиповнике» звучат новые для таких легких комедий темы: призыв к справедливости, защита прав женщины, счастье маленьких людей, судьба актеров. С художественной точки зрения они несколько утяжеляют водевильную искрометность действия, но понятно, что именно они важны для молодого драматурга и являются основой для круга тем, который будет разрабатываться Вл. И. Немировичем-Данченко в его последующих пьесах.

В заключение важно процитировать А. П. Чехова, который в одном из своих писем выражает уверенность в том, что со временем из Вл. И. Немировича-Данченко «выработается настоящий драматург», так как «с каждым годом он пишет все лучше и лучше...» [19, с. 293].

Список источников

1. Александров В. Для сцены: сборник пьес: в 7-ми т. СПб.: Типогр. Шредера, 1880. Т. 5. 275 с.
2. Альтшуллер А. Я. Пять рассказов о знаменитых актерах: дуэты, сотворчество, содружество. Л.: Искусство, 1985. 209 с.
3. Альтшуллер А. Я. Театр прославленных мастеров: очерки истории Александринской сцены. Л.: Искусство, 1968. 308 с.
4. Варнеке Б. В. История русского театра. Изд-е 2-е, значительно дополненное. СПб.: Изд. Н. Н. Сергиевского, 1913. 702 с.
5. Всеволодский-Гернгросс В. Н. Хрестоматия по истории русского театра. М.: Художественная литература, 1936. 424 с.
6. Грибоедов А. С. Горе от ума: комедия в четырех действиях в стихах. Л.: Детская литература, 1970. 176 с.
7. Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка императорских театров // История русского драматического театра: в 7-ми т. / гл. ред. Е. Г. Холодов. М.: Искусство, 1982. Т. 6. 1882-1897. С. 440-561.
8. Зограф Н. Г. Малый театр второй половины XIX века. М.: Академия наук СССР, 1960. 648 с.
9. Иванов В. Шиповник: сцены в трех действиях / литографическое издание Московской Театральной библиотеки Е. Н. Разсохиной. М., 1888. 93 с.
10. Коган П. С. Сто лет. Александринский театр – театр государственной драмы. Л.: Издание Дирекции ленинградских государственных театров, 1932. 544 с.
11. Корзов Ю. И. Драматургия Вл. И. Немировича-Данченко. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1971. 171 с.
12. Мейерхольд Вс. Э. Статьи, письма, речи, беседы: в 2-х ч. М.: Искусство, 1968. Ч. 2. 792 с.
13. Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма: в 2-х т. М.: Искусство, 1979. Т. 1. 1879-1909. 608 с.
14. Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра: воспоминания, статьи, заметки, письма. М.: Правда, 1989. 576 с.
15. Немирович-Данченко Вл. И. Театральное наследие: в 2-х т. М.: Искусство, 1954. Т. 2. Избранные письма. 630 с.
16. Рубцов А. Б. Из истории русской драматургии конца XIX – начала XX века. Минск: Изд-во БГУ, 1960. 324 с.
17. Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений: в 20-ти т. М.: Художественная литература, 1970. Т. 9. Критика и публицистика 1868-1883. 647 с.

18. **Тургенев и театр:** сцены и комедии; статьи и письма / сост., вступ. ст. и примеч. Г. П. Бердникова. М.: Искусство, 1953. 639 с.
19. **Чехов А. П.** Письмо Плещееву А. Н., 27 ноября 1889 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Письма: в 12-ти т. / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького АН СССР. М.: Наука, 1976. Т. 3. Письма. Октябрь 1888 – декабрь 1889. С. 292-293.
20. **Чистякова М. Н.** Критик сегодня, завтра – драматург (Вл. И. Немирович-Данченко. Взгляд на театр и драматургию 70-80 годов XIX века) // Театр. Живопись. Кино. Музыка. М.: ГИТИС, 2016. № 4. С. 36-42.
21. **Чистякова М. Н.** Особенности ранней драматургии Немировича-Данченко на примере пьес «Наши американцы» и «Банкрот во Франции» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (74): в 3-х ч. Ч. 1. С. 180-193.

**RUSSIAN REPERTORY DRAMA OF THE 1880S.
THE FIRST DRAMATURGICAL EXPERIENCE OF V. I. NEMIROVICH-DANCHENKO**

Litvar' Nina Vladimirovna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor

Chistyakova Mariya Nikolaevna

Moscow State Academy of Choreography

ninalitvar@gmail.com; mariamart@mail.ru

The article provides the history of creation and analysis of the unknown to the public play by V. I. Nemirovich-Danchenko “Dog Rose: a Play in Three Acts”. The paper concludes that though the first dramaturgical experience of the young theatre critic was a success it didn't satisfy the author because his attempt to transform the traditional comedy of situations into the modern comedy of characters resulted in the frivolous theatrical parody. The analysis of the young dramatist's first play makes it possible to define the range of characters and themes developed by V. I. Nemirovich-Danchenko in his subsequent plays.

Key words and phrases: “Dog Rose”; V. I. Nemirovich-Danchenko; vaudeville; nihilism; parody; V. A. Krylov; dramatic type.

УДК 165.0

Философские науки

В статье рассматриваются эпистемологические и технологические трактовки термина «знание». Выявлено, что вопрос об объективности знания, поднятый в постнеклассической эпистемологии, приобрел особую актуальность в связи с развитием искусственного интеллекта. С позиций эпистемологии знание считается результатом именно человеческого познания, подчеркивается принципиальная нетождественность понятий «информация» и «знание». С позиций технологического подхода знание определяется как формализованная информация, анализируются правила ее использования искусственными интеллектуальными системами.

Ключевые слова и фразы: знание; информация; эпистемология; искусственный интеллект; экспертные системы; объективное знание; личностное знание.

Лысак Ирина Витальевна, д. филос. н., профессор

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ivlysak@sfnu.ru

**ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ЗНАНИЯ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ
И В ИССЛЕДОВАНИЯХ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Проблема сущности знания является одной из наиболее актуальных как в современной эпистемологии, так и в информатике, в рамках которой в середине XX в. возникло такое направление, как искусственный интеллект, а с 1970-х гг. сформировалась особая область – инженерия знаний, представители которой занимаются структурированием знаний и созданием особого рода баз данных, разрабатываемых для оперирования знаниями, которые именуется базами знаний. Создание интеллектуальных систем, принцип работы которых напоминает деятельность естественного интеллекта, неизбежно ставит вопрос: только ли человек является носителем знания или оно может стать достоянием технических устройств? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, что понимать под знанием.

Следует отметить, что трактовка термина «знание» в эпистемологии и такой области информатики, как искусственный интеллект, различается. Анализ сущности знания занимал умы мыслителей с глубокой древности. К настоящему времени накоплен обширный материал, касающийся видов знания, характеризующий специфику процесса познания, затрагивающий проблему истинности знания.

Многообразие классических точек зрения на феномен знания можно условно разделить на две основные группы. К первой из них следует отнести концепции, связывающие знание с внешней, объективной реальностью. Для соотнесения знания как результата познания с его объектом используются понятия «истина» и «заблуждение». Ко второй группе относятся концепции, анализирующие соотношение чувственности и рациональности